

С. МАНАССЕИН

В Руцукском отряде (Воспоминания И. И. Венедиктова)

<Фрагменты>

<...> В штабе прошел слух, что нашему корпусу предстоит войти в состав особого отряда для осады Руцука, причем командиром отряда будет наследник цесаревич, начальником корпуса — великий князь Владимир Александрович, а начальником штаба отряда — генерал-лейтенант Ванновский.

23 июня рано утром мы двинулись к переправе. Погода пасмурная; все небо заволочло тучами; ветер так и ревет; темно-серые волны перелетают через жиденький понтонный мост, весь трясущийся и качающийся из стороны в сторону; якоря то и дело вырываются; выкидывается красный флаг — знак приостановки переправы для необходимой починки моста. Много понтонов¹ разбито и заменено другими. Весь мост длиной примерно в 600 саж. состоит из трех частей: первая часть самая длинная, потом остров, за ним маленький мост, снова остров и, наконец, последняя часть моста, ведущая на турецкий берег. Начальник переправы генерал Рихтер советовал приостановиться переправой и переждать бурю, но мы обязаны были перейти к назначенному сроку и начали переправу; сзади нас следовали повозки. Весь мост ходит, то опускаясь, то поднимаясь, под ногами; волны с шумом заплескивают понтоны, обливая нас с головы до ног; два раза мы остановились среди реки, пока шла починка моста, и, наконец, все мокрые, озябшие, усталые вступили на почти отвесный турецкий берег у Систова. Дивиться надо, как могли при переправе наши солдатики, осыпаемые градом неприятельских пуль, взобраться на эти крутизны. Там и сям разбросаны вновь воздвигнутые батареи; свеженькие кресты и курганы обозначают могилы героев-русских, павших здесь при первой переправе 15-го числа.

Не останавливаясь в Систове, мы передохнули в полуразрушенном городке Царевнице, где все напоминало поспешное бегство турок и разрушающую

руку победителей, и остановились в д. Павло. Кругом полное разрушение, выбитые оконные рамы, разломанные печи, разбросанная по улицам мебель и издающие страшное зловоние трупы домашних животных.

Слухи о формировании особого Руцукского отряда оказались справедливыми. 25 июня мы выехали встречать нашего нового начальника — наследника цесаревича, прибывшего в Павло во главе блестящей свиты, а следом за ним подошел обоз с палатками, провизией и пр. Среди луга, где стояли наши палатки, был разбит большой серый шатер для столовой. Выбрали хату почище, поставили столы, табуреты и разложили отрядную канцелярию, а литографские станки², писарей и четверку прекрасных лошадей исключительно для канцелярии нам выслал полевой штаб*.

28 июня утром начальник штаба П. С. Ванновский в столовой-шатре представлял нас, штабных, его императорскому высочеству наследнику цесаревичу, предложившему всем нам ежедневно являться к нему в столовую в 12 часов дня и в 7 часов вечера завтракать и обедать за общий стол. Всех приглашенных к постоянному столу было человек 30, в числе которых свита его высочества, врачи и наш небольшой штаб. К трапезам этим нас постоянно сзывала труба горниста, и всем этим распоряжался генерал-майор Зарубаев.

<...>

Недолго мы простояли в Павло; перешли в город Белу, где пробыли тоже несколько дней, и чрез Домогилу, Тростеник и Кацелево переко-

* 27 июня был отдан следующий приказ по войскам Руцукского отряда: «Главная квартира, бивак в дер. Павло (в Болгарии).

1) Предписываю с сего числа вступить в должность начальника штаба вверенного мне отряда генерал-лейтенанту Ванновскому.

2) Помощником начальника штаба назначается генерального штаба полковник Дохтуров.

3) Штаб-офицером для поручений при мне генерального штаба полковник Левицкий.

4) Штаб-офицером над вожатыми и заведующим топографической частью генерального штаба подполковник Зандер.

5) Старшим адъютантом по строевой части причисленный к генеральному штабу л.-гв. Кирасирского его величества полка штаб-ротмистр Стеганов.

6) Помощником старшего адъютанта строевой части кол. рег. Андреев.

7) Старшим адъютантом инспекторской части 131-го пехотного Тираспольского полка штабс-капитан Карачев.

8) И. д. старшего адъютанта по хозяйственной части 46-го пехотного Днепро-вского полка прапорщик Венедиктов.

9) Комендантом — генерал-майор Зарубаев.

Всем означенным чинам вступить в должность с сего числа.

Подписал: командир Руцукского отряда
генерал-адъютант Александр».

чевали в дер. Широко (по штабной карте «Строко»), где предполагалось остановиться наиболее продолжительное время.

И вот сидим мы в живописно расположенном на каменистом обрыве Широко и чего-то ждем; настроение у всех какое-то тревожное, унылое, разочарованное.

Из Широко мне удалось съездить на один день в Бухарест.

Мы подъехали к слободзейской батарее около 10 часов вечера; было лунное затмение и темнота смертная. Вдруг началась страшная канонада между Журжевом, Слободзеей и Руцуком; мой румын соскочил с козел и залез под фиакр, и мне стоило больших усилий уговорить его ехать дальше. То там, то здесь падали неприятельские снаряды и разрывались со страшным треском. Город был почти пуст. Хозяин «Петербургской гостиницы», которого я едва отыскал, на мою просьбу указать мне номер и дать чего-нибудь поужинать, махнув безнадежно рукою, отвечал:

— Занимайте какой хотите номер, а покушать поищите себе чего-нибудь в погребе.

Наверху ночевал инженерный офицер, с которым мы и пошли в погреб, где застали всех обитателей и прислугу отеля, спасавшихся от беспрестанно разрывавшихся снарядов, один из которых уже попал в угловой номер, а страшный треск разрывов свидетельствовал о разрушении соседних домов. Остаться в комнате было опаснее, и мы вышли на улицу, направляясь к берегу, откуда со страхом и любопытством стали следить за полетом громадных снарядов, посылаемых осадными орудиями и производивших бесчисленные разрушения. Все, что было живого в Журжеве, находилось в паническом, безотчетном страхе. Бомбардировка прекратилась уже на рассвете, и в Бухарест довелось выехать только вечером, так как утренний поезд идти не мог. Возвратившись в Широко, я уже не застал там нашего штаба, который спешно перебрався сначала в Синанкиой, потом в Хеджикиой и, наконец, в Копровицу.

Оказалось, что турки отбили у нас позицию при Карасанкиое и, таким образом, очистили себе дорогу на нашу стоянку. Приказано было все спешно укладывать и скорее отступать на Белу, так как ожидалось нападение.

Нет ничего хуже этих ночных отступлений: лошади пугаются, повозки, задевая друг за друга, поминутно ломаются, в темноте ничего не разыщешь, и беспорядок страшный.

После сражения 24 августа под Аблавой мы 2 сентября тронулись вперед к Руцуку и остановились у самого шоссе в с. Дольнем Монастыре. 29 сентября мы перешли на зимние квартиры в д. Брестовец, еще не разрушенную, с маленькою деревянною церковью и очень живописным местоположением, избранную как удобную для зимней стоянки самим начальником отряда во время одной из его прогулок. Его высочество по-

местился в небольшом болгарском домике, состоявшем всего из одной комнаты, которую обили простынями, завесили коврами и устроили здесь и кабинет, и спальню наследника, поставивши походную кровать, небольшой стол и несколько складных стульев и табуреток. Для столовой выбрали просторную овчарню, которая после надлежащей очистки оказалась совсем удобным помещением, если б только не недостаток света, пробивавшегося в единственное небольшое окно, так что мы постоянно обедали с огнем. И вот, бывало, только раздастся призывный звук трубы, все свитские и штабные в самых разнообразных костюмах, кто в полушубке с погонами, кто в румынской кофте, с фонарями в руках спешат на сборный пункт в столовую; его высочество всегда был в теплой тужурке и в высоких сапогах.

Мы с Андреевым, помощником старшего адъютанта по строевой части, нашли себе небольшую хатку в две комнатки неподалеку от квартиры начальника штаба отряда. Тихо и однообразно шла здесь наша жизнь; почта приходила редко и неаккуратно; по вечерам к нам приходил старший адъютант Карачев, и мы занимались пением всевозможных знакомых нам романсов и русских песен, с грустью вспоминая далекую, милую родину. Как-то раз услышал наше завыванье Сергей Максимилианович герцог Лейхтенбергский, зашел в нашу хату и стал нам подтягивать; подошли еще другие офицеры, и у нас составился хор. С этих пор мы почти каждый вечер устраивали у себя при участии герцога концерты и так коротали длинные, скучные осенние вечера.

Но вот на 12 октября назначена рекогносцировка под руководством наследника с целью заставить турок показать численность своих войск, расположенных по линии р. Лома; причем приказано было его высочеству Сергию Максимилиановичу с подполковником генерального штаба Зандером, при которых я назначен был состоять, заставить неприятеля показать свои силы у Иован-Чифтлика, но не втягиваться в бой, если бы неприятель стал наступать. В распоряжении великого князя был Херсонский полк, 12 орудий и несколько казаков.

Вечером 11-го мы отправили вперед своих верховых лошадей с тремя казаками, приказав им ожидать нас на шоссе около с. Тростеник. Чтоб наутро быть пободрее, я рано лег спать, но долго не мог заснуть.

Воспоминания одно за другим проносились в голове, и образы родных и близких сплошной стеной охватывали воображение и мелькали у меня в глазах. Заснул только под утро, а в 5 часов затрещал будильник, и я, быстро одевшись, поспешил к подполковнику Зандеру и с ним вместе отправились к его высочеству Сергию Максимилиановичу, которого застали еще в халате перед затопленным камином. Пока мы пили кофе, пришел генерал Ванновский, еще раз разъяснил цель предстоящей рекогносцировки. Коляска, запряженная четверкой, уже ожидала у дверей; я поместился на козлах, и мы тронулись сначала по узкой,

изрытой ямами дороге от Брестовца, а потом выбрались на ровное гладкое шоссе по направлению к Руцуку. Ехали мы часа полтора, начали обгонять тянувшиеся по направлению к Руцуку войска, а часов в 8 нас встретили казаки, уже ожидавшие с верховыми лошадьми. Утро было ясное, свежее; роса обильно покрывала дорогу, а в воздухе чувствовалось что-то веселое, бодрящее. Мы немного позавтракали захваченной с собой великим князем провизией, сели на лошадей и в сопровождении двух казаков и конвойца его высочества отправились далее. Сергей Максимилианович был очень весел, разговаривал без умолку, передавая нам свои впечатления об Аблавском сражении 24 августа, в котором он участвовал и получил золотое оружие с надписью «за храбрость».

— Если сегодня будет хорошее дело, я бы желал получить Георгиевский крест! — говорил он, не подозревая, какой крест и как скоро ожидает его.

Но вот послышались выстрелы вдали, и дотоле ярко-розовый горизонт стал затягиваться пороховым дымом. Немного погодя мы подъехали к небольшому холму, на котором застали начальника штаба 12-го армейского корпуса генерал-майора Косича и корреспондента «Нового Времени» Немировича-Данченко, помещавшего свои корреспонденции под псевдонимом «Шесть». Узнавши от них, куда прошел Херсонский полк, мы поспешили догнать его и, продвинувшись с версту вперед, очутились на линии огня нашей артиллерии, где воздух ежеминутно оглашался ружейными и орудийными выстрелами. Подполковник Зандер предложил его высочеству не ездить далее, а остановиться на этом месте, как удобном для наблюдения за неприятелем, который уже начал показываться из-за прилегающих возвышенностей.

— А посмотрите вот там впереди, какой соблазнительный холмик! — сказал Сергей Максимилианович, и мы все въехали на него.

Он, закурив папиросу, крикнул своему конвойцу подать бинокль, но не успел поднять его до глаз, как бинокль выпал у него из рук. Мы слышали только какой-то свист, мгновенно прекратившийся затем какой-то тупой звук, точно что-то впилося во что-то мягкое.

— Ах! — крикнул герцог и всем телом стал медленно склоняться влево, на шею лошади.

Моментально Зандер и я спешились и успели подхватить на руки падающего с лошади Сергея Максимилиановича.

— Скачите к начальнику отряда и доложите, что великий князь ранен! — крикнул мне дрогнувшим голосом Зандер, а сам склонился к лицу положенного уже на землю его высочества.

Пока я с помощью казака успел поймать мою лошадь, печальная действительность сделалась очевидною: на лбу великого князя выше правого глаза краснелось маленькое отверстие, откуда лилась кровь, смешанная с мозгом, которою облило и Зандера и меня. Стало

ясно, что герцог Лейхтенбергский, веселый, жизнерадостный, за пять минут до этого шутивший с нами, надеявшийся получить сегодня Георгиевский крест, был мертв, и смерть, очевидно, последовала мгновенно.

Я поскакал с докладом, не зная, где в то время находился наследник, и долго скакал по полю из одной стороны в другую, а между тем чувствовал, что по лицу у меня бегут жгучие, безотрадные слезы о милом, добром, незабвенном великом князе, который своим простым, любезным обхождением с нами успел в короткое время приобрести общие симпатии.

Блуждая по полю, я, наконец, у селения Кошево увидел значок начальника отряда. В это время меня обогнал казак, скакавший с этим же известием от начальника корпуса и, благодаря своей свежей лошади, опередил меня. Когда я подъехал к цесаревичу, его высочество со свитой, спешившись, с молитвою поминал вновь преставленного раба Божия Сергия. У всех на глазах были слезы, а близко знавшие покойного буквально рыдали.

Рассказал я, как мог, наследнику, ибо слезы положительно душили меня, о последних минутах жизни великого князя, а потом по приказанию П. С. Ванновского опять поехал к Херсонскому полку.

Подполковник Зандер положил с помощью казаков тело убитого князя на носилки и в коляске повез его в Брестовец.

Цепь Херсонского полка, засевшая в ложементы, из которых только что был выбит неприятель, осыпала турок редко перемежающимся ружейным огнем. Я старался пробраться ближе к р. Лому, за которой находился неприятель, имея в виду, что чем ближе находишься к туркам, тем меньше опасность от ружейной стрельбы, так как они имеют привычку стрелять почти не целясь и поднимая ружье чуть не кверху. Кругом раздирающие душу картины, целая масса убитых турок и наших, стоны и проклятия раненых, стоны страшные, заставляющие останавливаться и схватываться за голову. А помочь?... чем тут можно помочь?...

В Брестовец я возвратился уже вечером, а в 9 часов все собрались к домику, где жил Сергей Максимилианович и где мы сегодня еще утром так весело с ним беседовали. Одетый в парадную кавалергардскую форму, он лежал на лазаретных носилках, покрытый офицерским пальто. При стройном пении офицеров конвойного батальона, при тусклом мерцании факелов, среди беспроглядной тьмы осенней болгарской ночи тело почившего перенесли в уютную сельскую церковь и тут же отслужили панихиду. И вот здесь, когда раздавались заунывные мотивы хора, певшего «надгробное рыдание» и вечную память, разносившиеся далеко-далеко по селению чрез раскрытые двери церкви, невольно тоскливо сжималось сердце и слезы капали из глаз.

Ночью штабные врачи бальзамировали тело покойного и вынули засевшую в голове пулю. Рано утром, на другой день позвал меня к себе П. С. Ванновский и приказал немедленно ехать с донесением о случившемся к государю и главнокомандующему в Горный Студень. Перед отъездом наследник дал мне словесную инструкцию, два письма, государю и великому князю Николаю Николаевичу³, рапорт о команде и злосчастную пулю, которою был убит Сергей Максимилианович. Доехав до Белы верхом, я разыскал почтовых лошадей и, переменяв их в Павло, к ночи доскакал до линии охраны в Горный Студень, где находилась императорская квартира, комендантом которой состоял генерал Рылеев.

Было уже поздно, и меня не пропустили в селение; казаки охранной цепи грелись у разведенных костров, и я, лежа на холодной земле, прокоротал с ними всю ночь, а на заре меня провели к Рылееву, помещавшемуся в подвальном этаже того домика, где жил государь. Генерал любезно принял меня, напоил горячим чаем и часа через два, когда ему доложили, что император проснулся, повел меня на верх в очень простенькую приемную, из которой дверь выходила прямо в кабинет государя, куда вскоре прошел лейб-медик Боткин, комендант, лица свиты и военный министр, который, расспросивши меня, сказал, что меня ожидали еще вчера вечером.

— Я прибыл вечером, — отвечал я, — но меня не пропустили в охранной цепи...

Дверь кабинета притворилась, и вслед за этим вышел государь; кивнув мне головой, он сказал:

— А это ты! Ты был в этом деле?

— Так точно, ваше величество.

— Иди за мной!

Государь шел на обычную перед чаем прогулку и, выйдя во двор, поздоровался с караулом и свитой, ожидавшей здесь его выхода.

— Расскажи все как было! — обратился ко мне государь.

Я подал его величеству данную мне пулю, которую он подробно осмотрел и передал военному министру⁴ и другим свитским. Как умел, я рассказывал о кончине великого князя, а государь все время плакал; я окончил свой рассказ словами:

— Его высочество после Аблавского сражения неоднократно говорил, что по его мнению лучшая смерть — пуля в сражении.

— Правда, — сказал задумчиво государь, — лучшей смерти и не может желать русский солдат.

К вечеру я возвратился в Брестовец, явился наследнику и П. С. Ванновскому с докладом об исполненном поручении, причем его высочество поблагодарил меня, а пулю за обедом я передал великому князю Евгению Максимилиановичу, которому меня представил генерал Зарубаев.

18 октября тело почившего князя уложили в привезенный из Бухареста металлический гроб, поставили его на лафет⁵ конно-артиллерийского орудия и закрыли черным сукном. Наследник во главе всего штаба шел за гробом пешком до самого берега Дуная, где была переправа у с. Батино. Позади двигался л.-гв. Атаманский полк с хором музыки и несколько орудий.

Здесь мы простились с дорогими останками. Паровой катер перевез гроб на румынский берег; сопровождать гроб отправились великий князь Евгений Максимилианович и адъютант наследника князь Барятинский. Генерал Зарубаев передал мне от Евгения Максимилиановича на память о его покойном брате бриллиантовый перстень и два его фотографических портрета...

Так окончилась рекогносцировка⁶, и в нашем отряде опять все замерло, заснуло, и потянулась монотонная, однообразная жизнь в Брестовце, где у нас был и свой Невский проспект, и свой Толмазов переулочек⁷. Начальник штаба послал меня экстренно в Бухарест, куда я доехал вполне благополучно и с комфортом, случайно познакомившись по дороге в Петрошеани с губернатором Добруджинского санджака⁸ Белоцерковцем. Весело провел я три дня в столице Румынии и возвратился только к 28 ноября, когда получено было донесение, что турки в громадном числе наступают на 12-й корпус; начальник штаба немедленно послал меня в Тростеник к начальнику 12-й пехотной дивизии барону Фирксу, очень встревоженному наступлением турок, вследствие чего адъютант наследника граф Олсуфьев, прибывший сюда вместе со мною, уехал сейчас же обратно просить для этой позиции новых войск, а я остался в Тростенике, где в 10 часов вечера была получена из нашего штаба радостная телеграмма о взятии Плевны и Османа-паши со всею его армией. Верховые скакали по войскам, объявляя везде эту счастливую весть о победе, и через несколько минут среди ночной тишины по всему лагерю прокатилось дружное и громкое «ура!».

3 декабря проездом в Петербург заехал в Брестовец государь; мы все встречали его на шоссе. Его величество, выйдя из коляски, обнял, поцеловал наследника и собственноручно пожаловал его высочеству Георгия 2-ой степени. По этому случаю по Руцукскому отряду был отдан следующий приказ:

«Государь император в 3-й день сего декабря всемилостивейше пожаловал мне орден Св. Георгия 2-ой степени. Его величество, награждая меня, вместе с тем желал выразить свое удовольствие молодецким войскам, мне вверенным, и я, гордясь полученною наградой, не менее горжусь иметь под своим начальством храбрые и доблестные войска, состоящие в отряде, — войска, которые самоотвержением и беззаветною храбростью вполне заслуженно носят название российского победоносного воинства.

Да поможет нам Бог благополучно довести до конца борьбу, начатую за братьев христиан!»

Государь завтракал и обедал в нашей столовой и пробыл в Брестовце целый день.

24 декабря в рождественский сочельник цесаревич устроил нам елку с лотереей. Еще за несколько дней до Рождества всем предложено было дать для лотереи каких-нибудь безделушек, у кого что было, и мы натащили всевозможных вещей состоявшему при его высочестве полковнику Васильковскому. Вечером в сочельник среди нашей столовой, иллюминированной фонарями, была поставлена откуда-то, чуть ли не из России, добытая елка, которую гоф-фурьер⁹ очень оригинально и красиво убрал всевозможными съедобными препаратами, рябчиками, котлетами, мелкой рыбой, разной птицей, и все это освещалось восковыми свечами; по бокам на столах были разложены подарки, из которых большую часть составляли вещи, пожертвованные самим цесаревичем, и стояла серебряная суповая чаша с положенными в нее лотерейными билетиками; при входе поставили несколько человек музыкантов. Все мы выстроились; его высочество, встав на правый фланг, скомандовал подходить по одному к чаше и брать билеты. Вечер прошел шумно и оживленно, оставив по себе самое приятное воспоминание. Я выиграл курьерскую сумку, портсигар и французскую книгу.

1 января наш отряд был переименован в «Восточный», и в состав его, кроме 12-го и 13-го корпусов, вошли еще часть 11-го корпуса, болгарское ополчение и еще несколько дивизий, так что в общем отряд состоял из 100 батальонов пехоты, около 400 орудий и 60 эскадронов кавалерии.

В двадцатых числах января предположено было наступление по всей линии расположения неприятеля и бомбардирование Руцук впрямь до его сдачи, но утром 22-го наследник получил телеграмму, что 19-го числа подписаны между нами и турками предварительные условия мира, и объявлено перемирие. 1 февраля августейший главнокомандующий Руцукского отряда, сдав командование войсками генерал-адъютанту Тотлебену, между прочим писал в приказе:

«Расставаясь с войсками, которыми я имел честь командовать в течение шести с лишком месяцев, выражаю сердечную мою благодарность всем чинам отряда от генерала до солдата, свято и честно исполнившим свой долг в самое тяжелое время боевой службы.

Вы были поставлены на страже успехов всей русской армии. На огромном пространстве вы сдерживали значительно превосходную числом и благоустроенную неприятельскую армию, опирающуюся на грозные крепости. Все усилия отчаянного нападавшего врага сломались о вашу доблестную стойкость и непоколебимое мужество. Задача отряда,

по милостивому выражению государя императора, выполнена “блистательнейшим образом”.

Но, кроме неприятельской армии, вы вынуждены были неустанно бороться с невзгодами, знойным жаром, холодом, ненастьем, бездорожием, — борьба невидная и не имеющая блеска боевых подвигов, но выйти из нее с честью могут только войска сильные духом, и вы сильны, вы это доказали. Никогда не забуду, что высокочтимую воинскою наградю я обязан славной боевой службе войск Руцукского отряда, с которыми я делил труды и успехи и о которых на всю жизнь сохранию самое отрадное воспоминание».

В 9 часов утра все офицерство выстроилось на дворе у хатки, в которой жил наследник. Его высочество вышел совсем готовый к отъезду, поблагодарил нас за службу, каждому подал на прощанье руку, пожелал всего хорошего, обещал выслать всем свои фотографические портреты и, сев в коляску с генералом Тотлебенем, уехал к Дунаю. Мы все верхом провожали его до переправы у Батина, где после завтрака цесаревич еще раз простился с нами.

Генерал Тотлебен произнес нам длинную речь и выразил пожелание, чтоб мы служили так же исправно в будущем, как служили прежде, ибо, сказал генерал, его высочество, отъезжая, отозвался о вас весьма лестно.

Тотлебен скоро был вызван в Петербург, а отряд приказано было принять генерал-адъютанту Дундукову-Корсакову.

<...>

Из Руцука мы перекочевали в Силистрию, где и простояли до конца августа.

Вскоре П. С. Ванновский разослал нам при официальных письмах полученные им от его императорского высочества медали за войну. Наследник на каждом конверте собственноручно надписал, кому медаль должна быть выдана. В письмах генерала приведены были подлинные слова рескрипта цесаревича: «передайте всему моему бывшему дорогому Руцукскому отряду мой усерднейший и душевный поклон. Скажите всем, что я их не забываю, да и никогда их не забуду во всю мою жизнь, и думаю часто о моих славных, храбрых и дорогих товарищах!»

<...>

